

Глава 30. Сяо Юньлоу. [Завершение] Награда

Двое выбыли — двойная радость.

Один мёртв, другой ранен — уже хорошо.

Оба искалечены — тоже не в убыток.

Хотя, кажется, Ши Тай не попал под воздействие, только что сознание у него было вполне ясное... Ладно, неважно...

В ванной становилось всё темнее, время, отведенное на задание, неумолимо истекало. Синь Синь заставил себя сосредоточиться, не думать о Хэ Синьчуане и не отвлекаться на то, что происходит снаружи. Он полностью погрузился в осмысление только что услышанных показаний Цао Чжэнь.

Обстоятельства гибели Сян Чэня и Чжао Хунвэя в целом совпадали с его версией.

Сян Чэнь шантажировал Ли Хуэйцзюань фотографиями — Ли Хуэйцзюань использовала его слабость к женскому полу, чтобы отравить и убить Сян Чэня.

Синь Синь окинул взглядом ванную.

В прошлый раз они здесь с Хэ Синьчуанем...

Мысль резко оборвалась.

Синь Синь изо всех сил зажмурился, вновь принудительно вернув внимание к заданию.

...Ванную комнату убийца специально убирал, значит, именно здесь и было место преступления.

Главный вопрос при отравлении в ванной — как заставить Сян Чэня принять яд в месте, совершенно не предназначенном для приема пищи?

Синь Синь посмотрел на душевую кабинку, с которой была сдернута занавеска.

Душевая была вычищена до блеска, даже сливное отверстие сияло чистотой.

Кажется, он уже понял, как именно действовала Ли Хуэйцзюань.

Последующие события почти полностью совпали с их логическими построениями: Ли Хуэйцзюань позвонила Цао Чжэнь, чтобы та помогла замести следы.

Стоп.

Судя по показаниям Цао Чжэнь, та встреча была лишь второй в их жизни.

Неужели только из-за того, что они обе потеряли близких людей, они так легко стали союзницами?

Нет, в этом нет логики.

Сделать такой звонок, попросить о помощи в таком деле, как избавление от тела, — значит, Ли Хуэйцзюань была уверена, что Цао Чжэнь не откажет.

Какой же компромат на Цао Чжэнь был у Ли Хуэйцзюань?!

Самым вероятным смертельно опасным компроматом на Цао Чжэнь, без сомнения, было то самое ДТП с Цао Янань.

Ли Хуэйцзюань узнала, что Цао Чжэнь подкупила Хэ Сяохуэя, чтобы тот сбил Цао Янань и получила страховку! Или же она и сама была в курсе и использовала это как шантаж.

А та самая фотография тоже служила тому доказательством.

И вот, чтобы сохранить страховую выплату, Цао Чжэнь объединилась с Ли Хуэйцзюань для убийства Чжао Хунвэя.

Синь Синь быстро связал воедино все три преступления, но почему-то ему казалось, что в этой истории ещё оставались неувязки, что-то тут не сходилось.

Разве такой человек, как Цао Чжэнь, позволил бы Ли Хуэйцзюань так собой помыкать?

С другой стороны, Ли Хуэйцзюань тоже была убийцей, у каждой был компромат на другую, что, вроде бы, создавало баланс для сотрудничества.

Но зачем тогда Сян Чэню использовать доказательства того, что Цао Чжэнь подстрекала Хэ Сяохуэя, для шантажа Ли Хуэйцзюань? Разве не логичнее было бы обратиться напрямую к Цао Чжэнь?

В голове у Синя Синя был полный хаос. И тут клубок мыслей вдруг застыл.

Кажется, снаружи стало тихо?

Синь Синь затаил дыхание.

Тишина. Такая тишина, будто он здесь совсем один.

Неужели и он попал под воздействие?

Едкий, чрезмерно насыщенный аромат освежителя воздуха в ванной сейчас, наоборот, помогал взбодриться и прояснял мысли. Синь Синь изо всех сил твердил себе, что нужно сохранять спокойствие.

Когда Ши Тай его связывал, он, прикидываясь милым, упросил не затягивать веревку на шею. Ши Тай пошёл навстречу, предложив просто сделать вид, связав только руки. Синь Синь сказал: «Ни в коем случае! Если заметят, всё насмарку!» — и попросил Ши Тая крепко связать ему руки и ноги. Свободная шея избавляла от риска, что под влиянием призрака он сам себя задушит.

Который сейчас час? Цао Чжэнь пришла сюда в пять, прошло уже больше часа, наверное, скоро семь...

С тех пор как он попал в этот мир, Синь Синь впервые так сильно жаждал поскорее увидеть босса Цинь.

Синь Синь сосредоточенно прислушался к своим ощущениям, проверяя, нет ли где непривычной боли. Судя по предыдущим столкновениям с призраками, когда это происходило и тело получало повреждения, он всё же что-то чувствовал.

И вот, когда Синь Синь изо всех сил напрягал все свои чувства, чтобы проверить тело, он внезапно ощутил нечто, но не в теле, а...

Синь Синь резко повернул голову.

В дверях ванной стояла Цао Чжэнь с окровавленным ножом в руке и пристально, не отрываясь, смотрела на него.

Синь Синь: «...»

Сестрѐнка, ну ты даешь.

В прошлые разы при столкновении с призраком достаточно было разбудить человека, и всё проходило. Но согласно его же теории о развивающейся природе свирепых призраков и судя по тому, как Ши Тай только что бегал от одного, спасаясь, на этот раз всё может быть не так просто.

Синь Синь осторожно спросил:

— Учитель Цао?

Цао Чжэнь шагнула в ванную.

Удивительно, но её от рождения больная левая нога теперь выглядела совершенно нормальной.

— Учитель Цао, — громко сказал Синь Синь, — смотрите, ваша нога выздоровела!

Цао Чжэнь остановилась прямо перед ним.

Синь Синь запрокинул голову, на его лице ещё не успела появиться улыбка, как на него обрушился нож. Он изо всех сил изогнулся, демонстрируя всю свою гибкость, и резко поднял связанные руки...

Затупившееся лезвие ножа вонзилось в узел верёвки между его запястьями!

Худые ручонки Синь Синя содрогнулись от чудовищной силы удара, а его лицо перекосило от напряжения.

Тупой нож в руках одержимой Цао Чжэнь обрёл эффективность божественного клинка. Ши Тай вязал узлы профессионально, три оборота сверху и три снизу, узел был очень крепким, но и он был наполовину разрублен этим ударом. От такого чудовищного давления Синь Синю казалось, будто его запястья сейчас переломятся.

А прямо под узлом была его шея.

Если узел будет разрублен, Синь Синь мог поручиться, что его шея разлетится, как тофу.

— Учитель Цао...

Синь Синь не смел напрягаться, боясь, что взаимное давление только поможет Цао Чжэнь разрубить узел, и тогда он сам поспособствует своему же закланию. Он мог лишь с предельным нервным напряжением наблюдать, как волокна верёвки медленно, по одному, расходятся. В тот миг, когда узел окончательно лопнет, ему придётся пожертвовать одним из своих плеч — лишь бы сохранить жизнь и продержаться до семи часов! Тогда у дела появится шанс на поворот!

— Фотография! Я знаю, где фотография!

Пот с головы залился в глаза, вызывая жгучую, едкую боль. Синь Синь отчаянно поморгал и изо всех сил попытался достучаться до сознания Цао Чжэнь.

— Фотография отсырела, мы ничего не разглядели! Я ничего не знаю!

Глаза Цао Чжэнь уже ничего не видели. Она видела лишь перекатывающееся под лезвием горло. Разрубить его! Разрубить их всех!

— Учитель Цао, подумайте, здесь убивать человека — неудобно, потом ещё трупы прятать.

— Я сам всё сделаю! Я сам выброшусь из окна, не стоит вам утруждаться... А-а-а!

В тот миг, когда узел лопнул, Синь Синь с воплем отчаянно дёрнулся, подставив под удар спину.

— Сестрёнка... полегче, сестренка-а-а...

Ожидаемой мучительной боли не последовало.

Пот за секунду промочил всю одежду насквозь. Синь Синь, тяжело дыша, обернулся и увидел, что Цао Чжэнь замерла с занесенным ножом, уставившись на него.

Синь Синь не понимал, что происходит. Неужели она очнулась?

— Сестрёнка...

Синь Синь поспешно поднял связанные руки сдаваясь.

— Давай поговорим, я готов сотрудничать.

Зрачки Цао Чжэнь по-прежнему были безумно расширены. Она растерянно смотрела на Синь Синя, а её губы едва заметно дрогнули. Синь Синь замер от напряжения, почти перестав

дышать, и совершенно не понимая, что она пытается сказать.

Боясь издать хоть звук и боковым зрением следя за ножом, он с усилием сглотнул, пока со лба ручьями струился пот...

Ещё чуть-чуть продержаться, ещё немного — и время задания должно истечь.

Но всё же, авария с Цао Янань — это дело рук Ли Хуэйцзюань или Цао Чжэнь?

Ладно, неважно. Пятьдесят на пятьдесят, один шанс из двух — придётся рискнуть!

В ванной воцарилась зловеющая тишина. Синь Синь боялся дышать, всё его внимание было приковано к ножу в руках Цао Чжэнь, а в голове крутилась лишь одна мысль: как сохранить себе жизнь, даже ценой тяжёлых ранений — лишь бы продержаться до конца задания...

Рука, внезапно протянувшаяся из темноты, заставила Синь Синя вскрикнуть от испуга!

Худая, но жилистая рука обхватила шею женщины сзади, а другая рука сдавила её запястье, зафиксировав её перед собой.

Пережив первоначальный шок, Синь Синь тут же узнал пришедшего.

— Хэ Синьчуань!

Он едва не расплакался от волнения.

Хэ Синьчуань оказался жив! Слава всем богам!!!

Хэ Синьчуань не ответил ему. Не потому что не хотел, а потому что не мог.

Цао Чжэнь была сильнее, чем Чжан У, который тогда гнался за ним с ножом. Хэ Синьчуань изо всех сил прижимал женщину к себе. Вены на его руках вздулись, адреналин зашкаливал, а тело горело от жара. Он обхватил её и изо всех сил рванул вправо, вдавливая в стену.

— Дзынь! —

Нож выскользнул из рук и, звякнув, упал на пол.

Синь Синь, не теряя ни секунды, бросился вперёд, подхватил нож и принялся рубить верёвки на ногах.

— Брат, держись!

Только крикнув это, Синь Синь осознал, что в его голосе слышатся слёзы.

Хэ Синьчуань по-прежнему молчал, в темноте сражаясь с обретшей нечеловеческую силу Цао Чжэнь. От того удара о стену рана на его плече вновь раскрылась.

Затупленный нож в руках Цао Чжэнь был эффективнее алебарды*, а в руках Синь Синя и веревку-то перерубить было трудно. Синь Синь сглотнул слёзы, стиснул зубы и изо всех сил пилил, одновременно стараясь разорвать верёвку руками. Наконец, на верёвке появилась прореха. Он просто стянул туфли, с силой выдернув из них ноги, выбросил нож в окно ванной и бросился обхватывать отчаянно брыкающиеся ноги Цао Чжэнь.

* 青龍偃月刀 (Qīnglóng Yǎnyuèdāo) — «Цинлун янюэдао» (алебарда «Полумесяц Синего Дракона») — легендарное оружие полководца Гуань Юя из романа «Троецарствие». Символизирует огромную силу и мощь и часто используется в гиперболических сравнениях.

— Брат, я её держу!

Синь Синь услышал сдавленный стон Хэ Синьчуаня — похоже, Цао Чжэнь ударила его локтем сзади, он на мгновение ослабил хватку и отступил на полшага.

В тот же момент Цао Чжэнь коленом рванула вперед и отшвырнула Синь Синя прочь.

Спиной ударившись о пол, он проскользил по нему, пока не врезался в выступающую металлическую планку душевой кабины, и затих, беззвучно закричав от боли.

В этот критический момент Хэ Синьчуань ухватил Цао Чжэнь за руку и, используя её же силу, со всей дури отшвырнул её прочь, сам же рванул в ванную и мгновенно захлопнул дверь.

— Брат... — простонал Синь Синь сквозь боль.

Снаружи Цао Чжэнь уже принялась лягать дверь. Хэ Синьчуань упёрся в дверь спиной, и всё его тело сотрясалось вместе с дверью под её ударами.

— Времени мало.

Синь Синь наконец услышал голос Хэ Синьчуаня. На сердце у него сразу полегчало, и глаза, полные слёз, сами собой сузились в улыбке. У него даже не было времени обдумать смысл сказанного.

— На фотографии рядом с Цао Янань сидит Хэ Сяохуэй. Они оба пришли записываться на приём к врачу.

— Хэ Сяохуэй после нескольких визитов понял, что у него запущенный рак лёгких.

— В больнице он встретил Цао Янань. У Цао Янань, которая пришла на приём одновременно с ним, были точно такие же, если не более серьёзные симптомы, поэтому она отказалась от консультации. В записях указано, что в тот день она записалась, но не явилась.

— Линь Цяо не сразу узнала на фотографии Цао Янань, потому что познакомилась с ней уже после того, как та серьёзно заболела раком и сильно похудела. Помнишь показания людей из «Сяо Юньлоу»? Они говорили, что Цао Янань сидит на диете. Она не на диете сидела, она тяжело болела.

— Цао Янань случайно услышала в больнице, как Линь Цяо советует коллеге купить страховку. Тогда у неё родилась идея: намеренно сблизиться с Линь Цяо, чтобы через её знакомого оформить страховку, чтобы было меньше подозрений...

Хэ Синьчуань говорил очень быстро, почти не шевеля губами.

Информации было так много, что Синь Синь почти остолбенел от услышанного. Он почти в состоянии лунатизма продолжил мысль:

— Цао Янань хотела инсценировать несчастный случай, чтобы получить страховку!

— Верно.

Тут лягание двери внезапно прекратилось, но Хэ Синьчуань не расслаблялся, по-прежнему изо всех сил упираясь в дверь.

— Та авария была спланирована самой Цао Янань. Это Цао Янань за двадцать тысяч подкупила Хэ Сяохуэя, который тоже был смертельно болен, чтобы тот сбил её насмерть.

Теперь понятно... Понятно, почему Цао Янань оказалась ночью на том опасном повороте, понятно, почему Хэ Сяохуэй без малейших колебаний насмерть сбил её...

— Но...

Синь Синь посмотрел на внезапно затихшую дверь за спиной Хэ Синьчуаня. Его губы слегка задрожали.

Значит, два смертельно больных человека, понимая, что жить им осталось недолго, просто объединились, чтобы обменять свои жизни на деньги для оставшихся родных. С Хэ Сяохуэем всё логично: Ши Тай говорил, что страховки у них не было, заболевший Хэ Сяохуэй не хотел быть обузой для семьи, а так он ещё и получит вознаграждение. Но с какой стороны ни посмотри, все знали, что отношения между двумя сёстрами были откровенно говоря не очень.

Синь Синь внезапно вспомнил как Цао Чжэнь вдруг замерла.

Неужели потому, что... он назвал её «сестрёнкой»?

Что же это были за сёстры — Цао Чжэнь и Цао Янань?

Хэ Синьчуань продолжал.

— Сян Чэнь, который часто подглядывал и фотографировал Кун Мань, на одной из таких скрытых фотографий заметил неладное. Он нашёл Цао Чжэнь с намерением шантажировать её. Вот тогда Цао Чжэнь и узнала, что Цао Янань покончила с собой.

Синь Синь остолбенел.

Сян Чэнь шантажировал не Ли Хуэйцзюань, а Цао Чжэнь?

Но разве Цао Чжэнь не говорила, что это Ли Хуэйцзюань убила Сян Чэня, а она лишь пришла помочь замести следы?!

Неужели Цао Чжэнь до самого конца врала?!

— Цао Чжэнь воспользовалась своей инвалидностью и слабостью Сян Чэня к женщинам, чтобы отравить его в ванной.

Да, теперь всё сходится. Перед женщиной, да ещё и инвалидом, бдительность Сян Чэня была практически нулевой. Возможно, он даже подумал, что ему крупно повезло, и огромную сумму выбьет, и женщину заполучит. Он не ожидал, что его жадность и низость станут фитилем, ведущим к его гибели.

Эта часть, за исключением личности убийцы, почти полностью совпадала с его рассуждениями. Мозг Синь Синя работал почти на пределе возможностей, собирая воедино полученную информацию.

— Цао Чжэнь сама не могла справиться с телом, поэтому обратилась к Ли Хуэйцзюань.

— Нет. — Синь Синь тут же сам себя поправил.

Разве такой человек, как Цао Чжэнь, задумав избавиться от Сян Чэня, не продумал бы, как поступить с телом?!

— Она сделала это намеренно. — Синь Синь смотрел в глаза Хэ Синьчуаню, и сердце его сжималось. — Она хотела втянуть в это и Ли Хуэйцзюань!

Тогда всё сходится. Чжао Хунвэй был сообщником Сян Чэня. Если бы изначально Сян Чэнь шантажировал Ли Хуэйцзюань, то Чжао Хунвэй не стал бы так беспечно принимать от неё какие-либо лекарства.

Цао Чжэнь всё спланировала!

С того самого момента, как Сян Чэнь пришёл к Цао Чжэнь, в её душе, возможно, уже зародился замысел убийства. План созрел в её сердце. Возможно, даже не ради сохранения страховой выплаты — одна совместная фотография на больничной скамейке и отсутствие записи о приёме максимум могли вызвать подозрения у страховой компании, не более. Поэтому его отчаянный крик о фотографии не смог пробудить сознание обезумевшей Цао Чжэнь — эта фотография попросту не имела такого уж большого значения.

Да и чем, собственно, Сян Чэнь и Чжао Хунвэй, эти шумные, но трусливые людишки, заслужили право шантажировать такую отчаянную голову, как Цао Чжэнь?

Гиены, решившие, что им удалось ухватить раненую травоядную, чтобы набить брюхо, мечтали получить и деньги, и власть над готовой наложницей, даже не подозревая, что наткнулись на существо, о существовании которого не могли и помыслить.

Хэ Синьчуань кивнул:

— Цао Чжэнь принудила Ли Хуэйцзюань отравить Чжао Хунвэя.

Снаружи вдруг раздался тихий смех.

Обычно голос у Цао Чжэнь был мягким и нежным, но сейчас её смех был пугающе холодным. Это был скорее не смех, а странный вой, похожий на крик одинокого зверя под луной — пронзительный и печальный.

Синь Синь поспешно поднялся и встал рядом с Хэ Синьчуанем, тоже уперевшись спиной в дверь на случай, если Цао Чжэнь взбесится и впадёт в ярость.

— Вы все должны умереть... Все должны умереть...

Голос женщины стал совершенно неузнаваемым, каждое слово обладало невероятной проникающей силой, словно пробивая дверь у них за спинами. Части тела, соприкасавшиеся с дверью, под повторяющимися, как заклинание, словами быстро холодели и деревенели.

Кто же сейчас снаружи? Цао Чжэнь, в которую вселился Сян Чэнь, или живой человек, внезапно превратившийся в свирепого призрака?

Синь Синь, стиснув зубы, сказал Хэ Синьчуаню, которого тоже атаковал тот же ледящий холод:

— Надо ещё немного продержаться...

Ещё несколько минут.

Всего несколько минут — и задание завершится. Но тело пропитывалось ледящим холодом, словно погружаясь в бездну злобы.

— Учитель Цао!

Синь Синь из последних сил крикнул:

— По крайней мере, «все» не должно включать вас саму!

Половина его тела уже онемела, и казалось, что холод вот-вот достигнет самого сердца. Преодолевая острую боль, Синь Синь продолжил кричать:

— Ваша сестра хотела, чтобы вы жили хорошо!

Злобное, заклинательное бормотание внезапно оборвалось, и ледяные щупальца, обволакивающие тело, тоже замерли.

Синь Синь перевёл дух.

Скоро.

Он посмотрел на Хэ Синьчуаня, и ободряюще кивнув ему взглядом.

Уже скоро, нужно лишь ещё немного потянуть время...

В этот момент вновь раздался голос Цао Чжэнь.

— Сестрёнка.

Произнесла она.

Звук, похожий на шёпот и зов одновременно, затих в ночи. Что это было - тоска, скорбь, ненависть или воспоминания? Синь Синь вздрогнул всем телом, будто этот зов утянул его в непроглядную тьму. Он увидел девушку, совсем юную. Её неестественная худоба, словно у листа бумаги, напоминала старую чёрно-белую фотографию. Она улыбалась, но эта улыбка вызывала лишь грусть и желание утешить её.

Девушка протянула к нему руку. Синь Синь тоже невольно сделал шаг вперёд. Его рука словно перестала ему подчиняться, непроизвольно потянувшись навстречу... В тот миг, когда пальцы вот-вот должны были коснуться бледной руки, Синь Синь внезапно остановился.

Улыбка не сходила с её лица, словно застывшая маска. Лёгкий ветерок, проскользнув мимо, окутал её фигуру лёгкой дымкой, стирая чёткие очертания. Протянутая рука, казалось, парила в одной плоскости с телом, а её края едва заметно трепетали, подхваченные порывом ветра.

Синь Синю было очень холодно, но он изо всех сил попытался улыбнуться.

— Прости, сестрёнка. У тебя есть свои близкие, а я... я все же хочу держать за руку своего брата.

Синь Синь изо всех сил старался игнорировать онемевшую и одеревеневшую протянутую руку, с силой потянув в противоположную сторону другую руку, которая должна была с ней соединиться, но теперь ничего не чувствовала.

— Тук — тук — тук... —

Ритмичный стук шагов отдавался в барабанных перепонках. В тот момент, когда Синь Синь изо всех сил тянул, его ладонь тоже резко дёрнуло на себя. Два усилия столкнулись. Синь Синь, словно очнувшись, резко поднял голову. Хэ Синьчуань крепко сжимал его руку, и его глаза, казалось, в упор, не мигая, смотрели на него.

Спасён!

На лице Синя Синя расплылась улыбка человека, избежавшего смертельной опасности.

Время задания истекло!

Мир замер. Властный, безжалостный голос пронзил слух. Всё вокруг исчезло, оставив лишь один вопрос, нависший, как приговор.

— Вы разобрались в истине?

Дверь, в которую они упирались спинами, внезапно исчезла. Синь Синь, пошатнувшись, отступил назад. Отступавший Хэ Синьчуань потянул его за руку, и они, поддерживая друг друга, устояли на ногах.

Цао Чжэнь исчезла. Исчезла и квартира 602. Лишь босс Цинь, с бумажным веером в руках, сурово смотрел на них. За его спиной переливались размытые красные и чёрные цвета, словно тающий «Сяо Юньлоу»

Синь Синю казалось, что стоящий перед ним «босс Цинь» уже вовсе не босс Цинь. Как и Цао Чжэнь минуту назад, он словно был кем-то одержим. К тому же раньше он просто боялся босса Циня, а сейчас страх был так силён, что у него даже подкосились ноги, и он готов был упасть перед ним на колени.

— Разобрались.

Но ответил не Синь Синь и не Хэ Синьчуань.

Голос донесся сзади — слабый, но при этом бодрый.

Синь Синь резко обернулся и увидел Ши Тая, который держался за живот. Его пальцы были алыми от просочившейся крови, лицо смертельно бледное. Он помахал рукой Синь Синю с Хэ Синьчуанем, и даже растянул губы в улыбке — ни простоватой, ни неприятно-самодовольной, а просто светлой и чистой.

— Вовремя всё-таки подоспел. Соратники, приятно было с вами поорать.

Синь Синь: «?»

Ошеломленный Синь Синь посмотрел на Хэ Синьчуаня. Он и сам не знал, зачем на него смотрит. Может, потому что Хэ Синьчуань тоже всё ещё находился в этом пространстве? Значит...?!

На лице Хэ Синьчуаня не было ни тени эмоций. Он избежал его взгляда, повернувшись к боссу Циню.

— Задание выполнено.

Синь Синь: «...»

Твое задание выполнено.

Мое задание тоже выполнено.

Какое совпадение.

Неужели мы выполняли одно и то же задание?

Хе-хе.

Синь Синь опустил взгляд на руку Хэ Синьчуаня, которую всё ещё держал, и молча выдернул свою.

Ладонь опустела, и лишь тогда Хэ Синьчуань повернулся к Синь Синю.

Босс Цинь помахал бумажным веером и едва улыбнулся троим потрепанным игрокам. Хотя он улыбался, дышать всё равно не становилось легче. Эти пронзительные глаза на миг сомкнулись и вновь открылись, а на лице уже читалось понимание и удовлетворение.

— Я получил необходимые ответы из вашего сознания. Поздравляю с успешным выполнением задания. Вы заслужили награду.

Вслед за движением веера перед глазами Синь Синя всё поплыло. Босс Цинь вместе с «Сяо Юньлоу» за его спиной превратились в тонкую струйку сизого дыма и исчезли у них на глазах.

Синь Синь: Спецэффекты, надо сказать, в китайском стиле.

В тот же миг в сознании Синя Синя появилось нечто.

Это была длинная полоска бумаги.

На которой отчетливо значилось его имя.

Синь Синь: Китайский язык — 138, Математика — 150, Английский — 120, Физика — 96, Химия — 94.

Мозг Синь Синя на мгновение отключился.

Это... не похоже ли на его школьный табель успеваемости?!

Он не успел осознать, что означает эта награда. В голове роилось множество вопросов: почему он оказался в этом мире, кто на самом деле «босс Цинь», что вообще происходило, каковы были истинные отношения сестёр Цао Чжэнь и Цао Янань, что за история с Хэ Синьчуанем и Ши Таем... Как сзади нахлынула огромная сила, сметая все мысли и Синь Синь резко полетел вниз. Он не знал, куда падает, и в животном страхе посмотрел вверх. Глаза Хэ Синьчуаня, холодные, как глубокий омут, смотрели на него и, кажется, дрогнули... Но что же на самом деле таилось в их глубине?

Всё оборвалось. Синь Синь закрыл глаза и погрузился во тьму.

*

— Бум! —

Резкий, оглушительный стук пронзил воздух, и почти тотчас по общежитию разнеслись стенания.

— Кто это так буянит с утра пораньше?

— Сколько времени-то? Так шуметь, совсем оборзел.

— Шестой*.

* 六楼 (Lǎo Liù) — сленговое обращение в китайских студенческих общежитиях, где жильцы часто нумеруются по старшинству или расположению коек. Префикс «лао» (老) служит для создания фамильярного, тёплого тона.

Среди ворчания кто-то постучал по краю кровати сверху, и спросил:

— Ты в порядке?

Синь Синь, прижимаясь к стене, высунул лицо и тихо ответил:

— В порядке.

В общежитии вновь воцарилась тишина. Синь Синь, держась за голову, улёгся поудобнее.

На улице уже рассвело, и сквозь занавеску на балконе пробивался слабый свет.

Он вернулся. Вернулся в реальный мир!

И его собственная память тоже вернулась... Он Синь Синь, ему двадцать, и сейчас он на третьем курсе... Волнение от возвращения в реальность заставило его почти забыть о боли. Он неотрывно смотрел на стену, вытянул руку и стал вертеть её перед собой.

Помимо шишки на голове, возникшей от резкого удара, других дискомфортных ощущений в теле не было. Синь Синь с нетерпением ощупал себя с ног до головы, наслаждаясь чувством облегчения от того, что душа наконец вернулась в своё тело.

Он и вправду вернулся...

Значит... а может, это все был просто сон?

Хэ Синьчуань, Ши Тай, босс Цинь, Цао Чжэнь, Цао Янань, Чжао Хунвэй, Сян Чэнь... Всё это было просто долгим сном...

Синь Синь пребывал в задумчивости, как вдруг в его сознании, словно в ответ, возник театральный занавес. В левом верхнем углу занавеса прочно приклеился... его табель успеваемости.

Синь Синь: «...»

Хм, результаты, между прочим, совсем неплохие.

<http://bllate.org/book/12899/1324501>